

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: НОВЫЕ КНИГИ

Ecclesiae Urbis. Atti del Congresso internazionale di studi sulle chiese di Roma (IV–X secolo). Roma, 4–10 settembre 2000 / A cura di F. Guidobaldi e A. Guiglia Guidobaldi. T. 1–3. Città del Vaticano, 2002 (Studi di Antichità Cristiana. LIX). 1976 с., ч/б илл. в тексте.

Ecclesiae Urbis – таково название международного конгресса, состоявшегося в 2000, юбилейном, году. Конгресс был посвящен памяти Рихарда Краутхаймера (1897–1994). Византинисты прекрасно знают этого выдающегося исследователя как автора книги о раннехристианской и византийской архитектуре, переизданной несколько раз (*Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965; 1975; 1979; 1981; 1986, with S. Curcic. Итал. пер.: Architettura paleocristiana e bizantina. Torino, 1986*). Но главный труд жизни исследователя – капитальный корпус римских церквей IV–IX вв., над которым он работал в течении полувека (*Krautheimer R. et al. Corpus Basilicarum Christianarum Romae. Vol. 1–5. Città del Vaticano, 1937–1977*). Во вступительном слове к изданию Ф. Пергола напомнил и о заслугах ученого, и о том факте, что во время Второй мировой войны, преследуемый нацистами, Р. Краутхаймер нашел убежище в здании Папского института христианской археологии.

Акты конгресса изданы в трех томах. Их структура соответствует заседаниям конгресса (всего их было 18), которые охватывали основные темы: “Рихард Краутхаймер и церкви Рима”, “Источники и общие проблемы”, “Эпиграфика”, “Топография города”, “Топография кладбищ”, “Архитектура”, “Реставрация”, “Скульптура и литургические предметы”, “Живопись, мозаики, иконография”, “Церкви Рима как модель”.

Статья Д. Кинни “Константин Краутхаймера” (доклад назывался еще проще: “Константин и Краутхаймер”) открывает доклады первого заседания. Автор рассматривает проблему, актуальную для Рима так же, как и для столицы на Босфоре: что достоверно принадлежит инициативе императора, а что можно считать константиновским лишь “в широком смысле этого слова”. Другие статьи этого раздела посвящены вкладу Краутхаймера в исследование церквей Сан Паоло фуори ле мур (Дж. Беркли Ллойд), Санта Мария Маджоре (С. де Блаув), Санта Прасседе (В. Паче), кладбищенских римских базилик (Р. Джулиани). Особый сюжет – обращение Краутхаймера к наследию гуманиста и эрудита Помпео Угонио (А. Андреоли).

Разделы “Источники и общие проблемы” объединяют самые разные доклады. Собственно письменным и эпиграфическим источникам посвящены статьи А. Нестори об одном термине “*Liber Pontificalis*”, Э. Фоссиле – об упоминании церквей Рима в языческих литературных текстах, Б. Ивашкевич-Врониковской – о первых посвящениях римских церквей. Особенности религиозной жизни и литургической практики рассмотрены в статьях А. Каривьери, А. Куатрокки, А. Косентино, Ф. Романа Стасолла. Архитектурные и дендрохронологические данные о крышах римских церквей – тема статьи Х. Бранденбурга, И. Крамера и С. Валериани. Она со-

держит первые результаты совместных немецко-итальянских работ по изучению деревянных конструкций, преимущественно на примере Сан Стефано Ротондо. Любопытно, что в этой технической работе авторы используют термин “археология архитектуры”, столь близкий хорошо известному в нашей литературе понятию “архитектурная археология”, которое тесно связано с изучением древнерусской строительной техники (П.А. Раппопорт и др.). Проблемам эпиграфики посвящены доклады Д. Маццолени, А. Симоне Кампезе, И. Янсенса и П. Бозио.

Топография – традиционная и обширная тема раннехристианской археологии, ей посвящено свыше двух десятков статей. Они касаются или отдельных римских церквей (В. Винченти, К. Сотинель, Р. Фламинио, М.Л. Аккорси, А.М. Рамьери и др.), или целых зон и районов (Дж. Хиллнер, П. Геррини), или групп культовых сооружений (А. Черрито). П. Фортини привела новые археологические данные о превращении древней мамертинской тюрьмы в место христианского культа, которое относительно поздно, лишь около VIII в., традиция связала с культом апостолов Петра и Павла. Дома первых христиан (*tituli*) и их идентификация – предмет дискуссий, которые длятся многие годы. М.Л. Аккорси изучила этот вопрос на примере истории комплекса свв. Сильвестра и Мартина аи Монти, построенном на остатках римского дома III в. Проблемы топографии загородных кладбищ, а также особенностей погребальных сооружений и обрядов обсуждаются в статьях В. Чиполлоне, Д. Де Франческо, М. Чекелли, Л. Спера, М. Костамбейса и др. Интересны в частности новые данные о раскопках и консервации мавзолея св. Елены (Л. Вендиттелли).

Второй том содержит статьи об архитектуре и реставрации. Тема статьи Б. Бренка – захват и разорение Рима Аларихом в 410 г. и влияние этого события на церковное искусство. Несколько статей посвящено неисчерпаемой теме о вторичном использовании множества архитектурных деталей в римских церквях (П. Баррети, П. Пенсабене и Д. Трукки, П. Фанчелли, С. Чиранна). Ряд авторов рассматривают архитектуру известных культовых построек, в их числе латеранский баптистерий (О. Брандт), базилики св. Пуденцианы, св. Прасседы, Сан Пьетро ин Винколи, свв. Джованни и Паоло, свв. Куатро Коронати, св. Джорджо ин Велабро и др. (Ф. Гуидобальди, М. Каперна, Г. Бартолоцци Касти, Л. Барелли, М.К. Пьердоминичи и др.). Результаты недавних реставрационных работ в базиликах св. Агнесы, Сан Клементе, Сан Лоренцо фуори ле муря изложены в публикациях М.Г. Филетичи, А.Г. Курчо и Ф. Де Чезариса, Д. Эспозито, М. Маньяни Чанетти и др.

Вполне можно утверждать, что фаворитом архитектурной проблематики были так называемые цирковидные базилики, им был посвящен особый круглый стол (координаторы Н. Дюваль и Ф. Пергола). Речь идет о трехнефных базиликах “с обходом”, у которых широкая апсида продолжается в продольных стенах, создавая возможность прохода из боковых нефов в апсидное пространство. Всего их известно шесть. Они расположены на кладбищах, близ главных консульских дорог, и отличаются большими размерами (иногда – до 100 м в длину). Большинство их построено в константиновскую эпоху. Это-то и придает им особый интерес – речь идет об истоках христианской архитектуры. Внимание к этой теме особенно усилилось в последние годы в связи с открытием новой базилики на виа Ардеатина (раскопки проф. В. Фьокки Николаи). Исследователи ищут ответ на вопрос: почему план этих базилик действительно напоминает цирк. М. Торелли видит связь архитектурной иконографии с символикой и идеологией, в том числе – с императорской идеологией и “императорской теологией”. Э. Ла Рокка связывает цирковидные базилики с пережитком культа героев, в частности Геракла. Нередко цирк и мавзолей, цирк и героон составляют единый комплекс. Это позволяет оценить цирковидную базилику как выражение идеи триумфа мученика, которому посвящена базилика. Э. Ястжебовска обратила внимание на то, что первое христианское сооружение Константина в Константинополе было посвящено апостолам и имело мемориальный характер, как и древнейшая римская базилика апостолов, позже получившая имя

св. Себастьяна. Кроме того, базилика “с обходом” в Аназарбе (Киликия), построенная Юстинианом, тоже была посвящена Апостолам. Ж. Гийон высказал предположение, что базилика свв. Петра и Маркеллина, примыкающая к мавзолею св. Елены, первоначально не была посвящена им, а это был императорский мемориальный комплекс. В статьях К. Паволини и Х. Гертмана приведены новые данные о базиликах св. Агнесы и Сан Лоренцо. В. Фьокки Николай подчеркнул преобладание погребальных функций в базилике папы Марка на виа Ардеатина.

В оживленной дискуссии обсуждались проблемы хронологии и функций цирковидных базилик. Возможно, что они служили только “крытыми кладбищами” – это старое определение Р. Краутхаймера Ф. Гуидобальди считает лучшим. Другое мнение предполагает наличие у этих базилик также и евхаристических функций (Х. Бранденбург, Э. Ястжебовска и др.). Х.Г. Тиммель отметил хронологический аспект: важные изменения в литургии произошли во второй половине IV в., когда евхаристический обряд пришел на смену погребальным тризнам. Один только Х. Бранденбург, знаток раннехристианской архитектуры Рима, скептически отнесся к самой идее “идеологической интерпретации” цирковидных базилик. Он в частности отметил существенное конструктивное различие крытых базилик и открытых цирков. Но его мнение осталось в одиночестве. М. Торелли, желая “защитить свои цирки”, подчеркнул, что идеология цирка связана с идеей вечности, о чем свидетельствует серия литературных и иконографических документов, в том числе и в Византии, в эпоху Константина Багрянородного. Э. Ла Рокка сказал, что в этом случае речь идет не о копировании конкретной архитектурной модели, но о воспроизведении идеи триумфа; вообще возможны различные “ключи дешифровки” памятников, притом не обязательно позитивистские.

Н. Дюваль отметил, что проблема цирковидных базилик выходит за рамки римской тематики, такой тип существует и в других регионах, в частности в Тунисе. В целом же эта типология связана с ключевой проблемой происхождения раннехристианского здания и его преемственности с античной традицией. Ф. Бисконти очень кстати напомнил об изображении цирковых игр на саркофагах, что хорошо объясняется связью идеологии цирка с идеей вечности; в античной погребальной практике в годовщину смерти усопшего совершался обряд на могиле, а потом устраивались игры. Среди архитектурных дискуссий эта иконографическая тема прозвучала мимоходом, а здесь можно было бы привести и саркофаги, происходящие из восточных областей империи. Это два рельефа из Эрмитажа, известные по публикациям Л.А. Мацулевича, А.В. Банк и В.Н. Залесской, а также хорошо сохранившийся саркофаг со сценами цирковых игр, стоящий в лапидарии Археологического музея г. Анталья в Памфилии (кажется, не опубликован). Обсуждение цирковой темы особенно интересно в связи с недавней публикацией нового перевода части трактата “О церемониях”, посвященного ипподрому, где Ж. Дагрон дал детальный анализ филологических, идеологических и спортивных аспектов цирка в римско-византийской традиции.

В том же втором томе опубликован небольшой раздел о влиянии римской архитектуры в разных регионах, в том числе на периферии средиземноморского мира – в Восточном Причерноморье (Л. Борелло и др., Дж.К. Менис, Л.Г. Хрушкова).

В третьем томе опубликованы статьи о живописи, скульптуре, литургических устройствах и церковной утвари. В римских церквях можно видеть немало мрамора, привезенного из константинопольских мастерских. Среди них особое место занимает ансамбль литургической мебели Сан Клементе. Об этом идет речь в статьях К. Барзанте и А. Гилья Гуидобальди. Дискуссия между А. Гилья Гуидобальди и Э. Руссо показывает, что византийский мрамор на римской почве, казалось бы, уже хорошо изученный, вызывает немало вопросов. Как показал Х. Бранденбург, архитектурная скульптура церкви Сан Паоло фуори ле мура включает и споллии римского времени, в том числе массовый импорт из Малой Азии, и декоративные элемен-

ты, привезенные из Константинополя. Предметам церковного обихода и тканям посвящены статьи Л. Ваттуоне и Ф. Риганати. Рассматривая вопрос о сложении монументальных декоративных ансамблей, Ф. Бисконти предложил реконструкции не сохранившегося декора апсид первых культовых сооружений Рима, в том числе базилик Сан Пьетро и Сан Себастьяно и др.

Разнообразны сюжеты других статей, многие из них посвящены иконографии. Здесь и композиция Христа, восседающего на сфере (М. делла Валле), и деревянные врата церкви Санта Сабина, которые когда-то исследовал Н.П. Кондаков (статьи Л. Де Мариа и Г. Де Спирито, и мозаики мавзолея Константина (С. Чанчо), и живопись церкви Сан Лоренцо (А. Таддеи, А. Аккончи), и происхождение иконографической темы 40 Мучеников Севастийских (К. Гуловсен), и древнейший декор С. Пало фуори ле Мура (Б. Маццей), и мозаики церквей Санта Сабина и Санта Пуденциана (О. Стин, Д. Гоффредо), и др. Декорация самой древней церкви на римском форуме – Санта Мариа Антиква, в контексте проблемы иконоборчества, – тема статьи П.Дж. Нордхагена. Х.Г. Тиммель опубликовал исследование об апсидной мозаике XII в. церкви Сан Клементе. Статья Д. Кальканьини посвящена изображениям женщин в раннехристианских мозаиках римских церквей. Он вызвал дискуссию: можно ли персонификации церквей считать изображением женщин.

Монументальное издание Актов римского конгресса, посвященное юбилею христианства, содержит и публикации новых материалов, и результаты многолетних штудий, и интересные дискуссии по самым разнообразным вопросам. Оно выходит далеко за рамки собственно археологических сюжетов и станет необходимым рабочим инструментом для всех, кто занимается историей и культурой раннехристианской и раннесредневековой эпохи.

R i s t o w S. Die frühen Kirchen unter dem Kölner Dom. Befunde und Funde vom 4. Jahrhundert bis zur Bauzeit des Alten Domes. Mit Beiträgen von Lothar Bakker und Dorothea Hochkirchen. Köln: Verlag Kolner Dom, 2002 (Studien zum Kolner Dom. Bd 9). 623 с., 29 ч/б и цв. табл., 72 ч/б и цв. рис. в тексте, 11 ч/б и цв. чертежей на вкладках.

Не так давно Византийский современник напечатал рецензию на книгу Себастьяна Ристова о раннехристианских баптистериях (2001. Т. 60). Новая монография немецкого археолога посвящена раскопкам под кафедралом Кельна. Это грандиозное готическое сооружение всем известно, но, возможно, не все знают, что обширное пространство под ним раскопано, детально исследовано археологами, музеефицировано и доступно обозрению. Книга С. Ристова – 9-й том в серии исследований собора, но она носит особый характер: она обобщает и систематизирует огромный материал, полученный в ходе раскопок за полувековой период. Автор и сам принимал в них активное участие на протяжении свыше 10 лет. Он дает собственную реконструкцию предыстории кафедрала. Отличительная черта метода С. Ристова: пристальное внимание к археологическим аспектам исследования (стратиграфия, строительная техника архитектурных остатков, хронологическая классификация находок). О масштабах работы говорит хотя бы такая цифра: керамические находки насчитывают почти 200 тысяч экземпляров, с IV до начала IX в.

Многослойный архитектурный комплекс, расположенный под Кельнским собором, пережил неоднократные перестройки. Это ставит перед археологом труднейшую задачу идентификации и датировки строительных остатков разных периодов. После предварительной характеристики основных групп материала автор начинает основное изложение. Читатель ждет, что под собором археологи искали и нашли древнейшую церковь константиновской эпохи. Ведь одно время резиденция императора находилась не так далеко – в Трире. Согласно традиции, св. Елена подарила

христианской общине Колонии (Кельна) черепа трех волхвов, вывезенные ею из Палестины. Место хранения этой реликвии – великолепный серебряный с позолотой реликварий в форме базилики, он находится в алтарной части кафедрала. Если же говорить об исторических фактах, известно участие кельнского епископа Матерна в двух доникейских соборах, в Риме (1313) и Арле (1314). О Кельне как христианском центре пишет Аммиан Марцеллин. Однако С. Ристов вовсе не сосредоточен на идее во что бы то ни стало отыскать епископскую церковь IV в. Он объективно и, я бы сказала, хладнокровно оценивает всю сумму фактов, стремясь установить относительную и абсолютную хронологию архитектурных элементов. В результате вырисовывается следующая картина.

В центре пространства под готическим кафедралом обнаружены остатки большого сооружения римской эпохи, от которого сохранилась система отопления (гипокауст). Рядом открыта колоннада, ограждавшая мощный двор. Хронологически они соотносятся с мозаикой Диониса, украшавшей дом состоятельного жителя Колонии, расположенный к юго-востоку от собора, в зоне Римско-Германского музея. На основании монет, стеклянных сосудов и других материалов здесь устанавливаются три фазы: раннеримская, позднеримская и раннесредневековая. Позже, в конце IV или в V в., под алтарной частью готического собора появилось “строение 1”. Это трехнефное сооружение базиликального плана, с полуциркульной апсидой, обнесенной оградой с портиком. Оно плохо сохранилось, его назначение не установлено. Конечно, такой план здания легко мог побудить археологов определить его как церковь. Но этого нет. В V в. появляется “строение 2”, размеры и плановая схема которого похожи на “строение 1”. Рядом с ним открыто два меровингских женских захоронения, богатый инвентарь которых датируется второй третью VI в. Это позволяет установить основные моменты абсолютной хронологии. Погребенные принадлежали к франкской элите, которая к этому времени уже должна была быть христианской. Поэтому высказывается предположение, что “строение 2” могло служить “меморией” (или даже церковью?). Предположение, впрочем, очень осторожное – в инвентаре этих захоронений христианских предметов нет.

Но вот, наконец, во второй половине VI в. появляется настоящая церковь: “строение 2” было трансформировано в “строение 3а”, наличие амвона делает его идентификацию бесспорной. Церковь является трехнефной базиликой с деревянным перекрытием; круглый в плане амвон соединен огороженным проходом (солейей) с алтарной преградой. Такие амвоны “в форме замочной скважины”, как выражается автор, известны и в самом Кельне, и в других городах Рейнской области. Важный элемент комплекса – прямоугольный в плане баптистерий, расположенный к востоку от церкви. Его октогональная купель находится в центре. Автор предлагает свою реконструкцию купели, – с киворием, который, конечно, не сохранился. Сооружение пережило перестройки в VI–VII вв.

Дальнейшее развитие церковного комплекса в VII–IX вв. привело к его значительно расширению и усложнению (“строения b-d”). Все эти строительные периоды отражены на превосходно выполненном цветном плане (вкладка 7). Предшествующей готическому кафедралу была трехнефная базилика с трансептом, полуциркульной апсидой на востоке и полуциркульной же структурой с западной стороны (так называемый “кольцевидный атриум”). Последняя относится уже к каролингской эпохе и характерна для монастырской архитектуры. Баптистерий был перестроен в крестовидное сооружение. Вместо прежнего амвона восточная часть базилики занята огражденным пространством *schola cantorum*. Автор подробно рассматривает сложные вопросы функций и хронологии строительных остатков, указывая широкий круг аналогий и в Рейнской области, и за ее пределами. Так, аналогию амвону он находит в Лаванте (Тироль), но также и на востоке империи – это известный амвон с одной лестницей из церкви св. Софии в Фессалониках, хранящийся в Стамбульском археологическом музее. Каролингская церковь Кельна была разру-

шена пожаром в IX в. или начале X в. Такова предыстория великого кафедрала. Пока остался неясным важный вопрос: относятся ли древнейшие “строение 1” и “строение 2” к ее именно христианской фазе.

Историческая часть книги завершается кратким обзором письменных источников, которые рассмотрены как общий фон для археологических данных.

Два обширных каталога содержат полное и детальное описание археологических находок, выявленных многолетними раскопками пространства под собором. Первый является сводкой архитектурно-археологических данных. Этот каталог включает кладки, вымостки разных типов и уровней, погребения, колодцы. О каждом объекте приводится исчерпывающая информация: размеры, местоположение по отношению к кафедралу, стратиграфия, место в комплексе, дата, различные дополнительные сведения. Далее следует каталог находок, в котором преобладает керамика IV–VII вв.

Книга содержит два дополнения – Л. Баккер и Д. Хохкирхен. Первое посвящено керамике *terra sigillata* аргоннского происхождения IV–VI вв. В другом описаны изделия из камня, обнаруженные под Кельнским собором (фрагменты колонн, капителей и других архитектурных деталей). Каждая статья сопровождается каталогом.

Особо следует сказать об иллюстрациях. Они исключительно высокого класса, чертежи отличаются редким изяществом. Очень красивы цветные архитектурные реконструкции, которые выполнил венгерский архитектор Ш. Вазарос. Здесь мы видим скорее произведения графики, нежели археологические документы; может быть, поэтому на планах отсутствует знак компаса. Превосходны цветные фотографии, включая и фрагменты обыкновеннейших печных горшков. К сожалению, оба больших каталога – архитектурных остатков и находок – лишены иллюстраций. Наверное, для этого случая иной читатель предпочел бы, чтобы качество немного перешло в количество.

Монументальная монография С. Ристова – заметное явление в современной раннехристианской и средневековой археологии. Читатель получает широкую, полную и прекрасно систематизированную информацию о результатах полувекового исследования Кельнского собора. Убедительна и привлекательна манера автора делать выводы исторического порядка исключительно на основании археологического материала, не стремясь использовать его лишь как иллюстрацию своих идей.

Сложная методика полномасштабных раскопок под крупными церковными зданиями средневековой эпохи, которые давно и успешно ведутся в Рейнской области, представляет особый интерес. Кто знает, возможно, этот опыт будет полезен и в других странах – взять к примеру хотя бы константинопольскую церковь Св. Апостолов, погребенную под мечетью Фатих.

* * *

Иордания – одна из тех стран, в которых археология ранневизантийской эпохи процветает. Здесь множество церквей, и часто они отличаются хорошей сохранностью. Много надписей и мозаик, среди них знаменитые карта Мадабы и изображения городов, в том числе Иерусалима. Особый интерес археологов привлекают библейские места. Недавно вышло в свет два археологических издания, посвященные раннехристианской Иордании. Их авторы – Анна Мишель и Басема Хамарнех. Помимо сюжета эти книги можно объединить и по другим характеристикам. В обоих случаях речь идет о первых докторских диссертациях. Оба автора принимали активное участие в полевых работах в Иордании, в частности в экспедициях о. Микеле Пичирилло, видного представителя францисканской археологии (см. рец. на одну из его книг: *Византийский временник*. 2003. 61. С. 244–245). С другой стороны, книги

очень разные. Работа А. Мишель преимущественно архитектурно-археологическая, автор фокусирует внимание на проблеме связи архитектуры и литургии, особенно на формах и типах литургических устройств. Книга Б. Хамарнех – исследование топографическое, археологическое и историческое, в нем находят свое место социальные и экономические аспекты жизни христианской деревни. Замечу, что авторы принадлежат к различным научным направлениям, которые часто вступают в полемику, что, впрочем, не мешает им сотрудничать. Б. Хамарнех написала свою работу под руководством проф. Филиппа Пергола, представителя и активного защитника традиционных ценностей “римской школы” христианской археологии. Напротив, руководитель А. Мишель, проф. Ноель Дюваль, вместо термина “христианская археология” предпочитает “археологию поздней античности”, считая, что археология должна быть дисциплиной исторической, а не конфессиональной (см. Византийский Временник, 2002. 61. С. 232–233). Стоит упомянуть и о том, что Б. Хамарнех – выпускница МГУ (проф. С.П. Карпов). Она, можно сказать, персонафицирует издавна существовавшие связи русской византистики и римской традиции, однако отдаленным и косвенным образом, через Христианский Восток. Начну с книги, которая вышла первой.

M i c h e l A. Les églises d'époque byzantine et umayyade de la Jordanie. Ve–VIIIe siècle. Typologie architecturale et aménagements liturgiques avec catalogue des monuments. Turnhout: Brepols Publishers, 2001 (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive. 2). 471 с., 407 илл., таблицы памятников в тексте б/нумерации.

О церквах Иордании написано немало. Особенно это касается масштабных работ в крупных центрах: на горе Небо, в Умм-эль-Разас, и, конечно, мозаик. Однако обобщающей работы до недавних пор не было. Книга А. Мишель – синтез, в котором собраны все известные сведения о церквах, расположенных на территории современной Иордании. Речь идет о трех исторических провинциях – Первой Палестине, Третьей Палестине и Аравии. Книга издана в серии “Библиотека поздней античности”, которая является приложением к одноименному ежегоднику, основанному Н. Дювалем свыше десяти лет назад.

Работа А. Мишель построена по принципу, принятому для стандартных работ такого рода. Во “Введении” говорится об истории изучения христианских памятников Иордании, географии и истории региона, письменных источниках. Первая часть называется “Памятники и их провинциальные особенности”, где дается всесторонняя характеристика архитектуры церквей. Вторая часть представляет собой развернутый каталог. Всего рассмотрено 160 городских и сельских церквей и часовен, большая часть которых относится к VI в. На исследуемой территории существовало более 15 епископских центров; часть мест христианского культа продолжало функционировать и после мусульманского завоевания. Автор рассматривает вопросы географического распределения церквей и христианскую топографию населенных пунктов.

В первой части книги преобладает типологический подход. Церкви классифицированы на две большие группы: отдельно стоящие сооружения (их больше) и комплексы, которые подразделяются на варианты. Здесь встречаются три основных архитектурных типа раннехристианского времени: большие трехнефные базилики, маленькие однефные (до 10 м в длину) и сооружения с центричным планом, нередко монументального характера. Далее следует анализ основных характеристик плана, конструкции, декора и литургических устройств церквей. Рассмотрены следующие элементы: фасады и входы, атриум, центральная часть церкви (*quadrum rotuli*), алтарная часть, окна, перекрытия и крыши, декор, литургические уст-

ройства (престол и киворий, “второстепенные” столы, алтарная преграда, синтрон и боковые скамьи, амвон), реликвии и реликварии. Отдельный вопрос – различные дополнительные помещения: часовни, баптистерии.

А. Мишель очень внимательна к употреблению терминов, к точности признаков классификаций, к деталям. Помимо тщательно собранных сведений, что само по себе очень ценно, встречаем множество интересных наблюдений, сопоставлений, подсчетов. Например, синтрон, который признается константинопольским элементом, в Иордании обнаружен в 46 церквах. Крипты же, напротив, явление исключительное. Что касается баптистериев, в этом регионе, как и в других местах, малая глубина купелей (от 0,6 до 1 м) не предполагала полного погружения; встречаются и монолитные купели. Говоря о местоположении и типологии реликвариев, автор обсуждает вопрос о природе культа мощей, о связи мощей и престола. Монументальные амвоны из камня (всего их выявлено 20) – принадлежность больших трехнефных базилик. Там, где удалось установить дату, это юстиниановская эпоха или более позднее время. Положение и конструкция амвонов стереотипны: они примыкают к алтарной преграде снаружи, вход в них только из алтаря, по единственной лестнице. Это значительно отличает их от константинопольских амвонов с двумя лестницами. Интересны наблюдения над трехапсидными базиликами. Всего в Иордании их 15 – как с выступающими апсидами, так и с апсидами, скрытыми прямой стеной. Первые характерны для церквей больших городов Десятиградия, их не так мало – 6; вторые встречаются преимущественно в южных районах.

Литургические устройства – приоритетная тема книги. Их особенности анализируются в связи с архитектурным типом церкви и с ее статусом; по возможности рассмотрен и трудный вопрос их эволюции. В частности, отмечается умножение различных вспомогательных ритуалов, специализация пространств внутри церковного здания и вокруг него, особенно связанных с мемориальным и мартириальным культом. Одна из причин усложнения культовых комплексов – паломничество. Одни паломнические центры связаны с библейской историей, это известные святилища Моисея и Лота, другие являются важными епископскими церквями, таковы Гераса и Гадара.

Всегда актуальная проблема – связь между письменными источниками и памятниками. Известно, что епископы из Иордании участвовали в первом Вселенском соборе; паломница Эгерия в конце IV в. описывает святилище на горе Небо. Однако христианские сооружения IV в. пока не открыты. Наиболее ранние церкви относятся только к V в., их всего две, и обе – в Герасе, не очень большом по размерам, но важном и хорошо изученном городе Декаполиса.

Список церквей составляет вторую, большую часть книги (с. 106–408). Они сгруппированы по историческим провинциям, большинство их (свыше 120) находится на территории Аравии. От привычного каталога этот список отличается более детальным описанием памятников. Здесь находим полную и четкую информацию об архитектуре, результатах археологических исследований, литургических устройствах, захоронениях, функциях отдельных частей сооружения, хронологии. Полезными дополнениями являются корпус исчезнувших церквей и список епископов. Обширная библиография включает работы не только об Иордании, но также Израиле, Сирии и Ливане, Кипре, Балканах, Египте, Киренаике. Книга завершается топографическим указателем. Иллюстрации многочисленны и высокого качества. Кроме того, очень информативны таблицы литургических устройств.

Несомненно, книга А. Мишель будет весьма полезна археологам, искусствоведом и историкам раннехристианской эпохи на Востоке.

H a m a r n e h B. Topografia cristiana ed insediamenti rurali nel territorio dell'odierna Giordania nelle epoche bizantina ed islamica. V–IX secolo. Città del Vaticano, 2003 (Studi di Antichità Cristiana. LVII). 346 с., 98 ч/б илл.

Книга Б. Хамарнех – 57-й том в серии Этюдов по христианской античности, которую издает Понтификальный институт христианской археологии. Она тоже посвящена раннехристианской Иордании, но идея работы совсем иная. Автор ставит цель проследить особенности христианской топографии сельских поселений и рассмотреть церковные сооружения в широком археологическом и историческом контексте. Всего исследовано 76 пунктов, с V до середины VIII в. Исследование автор начинает с вопросов исторической географии и юридического статуса сельских населенных пунктов. Здесь же дается обзор истории археологических исследований.

В первой главе речь идет об особой группе поселений, сформировавшихся около или на месте римских городов и крепостей (*castra*); прослеживается их эволюция от момента возникновения и до омейядского периода. Вторая глава содержит анализ крупных и средних сельских агломераций, возникших в византийскую эпоху (VI – начало VIII в.), и их изменения при Омейядах. Важную группу составляют деревни, в которых открыты культовые сооружения. Немногочисленны, но интересны деревни, где имеется по два культовых сооружения. Они расположены в основном в северных районах провинции Аравия, на местах более ранних поселений. Наличие двух церквей в одной деревне Б. Хамарнех объясняет увеличением населения, хотя возможны и другие причины, пока неясные. Автор стремится рассмотреть христианские поселения в динамике, проследить, где возможно, их эволюцию. В третьей главе анализируются маленькие деревни, которые преобладают количественно, и сельские монастыри.

В заключении изложены выводы о формировании сельских общин, которое происходило главным образом в VI в. Как отразилась исламская конкиста на жизни деревень – этому феномену Б. Хамарнех уделяет особое внимание. Некоторые церкви не только продолжали существовать в омейядскую эпоху, но и перестраивались. К счастью, в ряде случаев надписи позволяют точно датировать и момент строительства, и момент реконструкции церкви. О религиозной толерантности омейядских правителей свидетельствует, например, надпись, говорящая о перестройке культового здания в Хильде (Филадельфия/Амман) в 687 г., при епископе Гергии. Интересная особенность: умножение числа сельских баптистериев, начиная со второй половины VII в., когда церемония крещения стала более простой и краткой, и ее могли совершать сельские священники. Когда население покинуло свои деревни? Для решения этого вопроса автор привлекает массовый археологический материал – керамику. Причины этого явления остаются неясными, поскольку следов пожаров и вооруженных конфликтов археологи не выявили. Если городские центры Иордании процветали еще и X в., то сельские зоны в IX–X вв. существенно уменьшаются. Б. Хамарнех предполагает, что многие деревни запустели по экономическим причинам.

Интересны социальные аспекты религиозной жизни. И здесь мозаичные надписи дают много сведений о светских эвергетах, местной элите, низших клириках, которые часто составляли администрацию маленьких деревень. К этому разделу приложена полезная таблица датированных надписей.

Важную часть книги составляет каталог деревень, который построен в соответствии с принятой в работе классификацией: деревни, связанные с римскими крепостями, и деревни большие, средние и малые. В описаниях сообщается много интересных данных об отраслях сельского хозяйства – эта особенность не часто встречается в работах по христианской археологии. Книга завершается топографическим и ономастическим указателями. Она сопровождается иллюстрациями хорошего качества, многие фотографии выполнены автором.

Таким образом, общая направленность работы Б. Хамарнех – историческая, хотя в основу ее положен хорошо изученный археологический материал. В этом смысле книга продолжает линию известных книг Ж. Лассюса и Г. Чаленко о ранне-византийской Сирии. Лассюс стремился, изучая церковные сооружения, глубже понять религиозную и социальную жизнь христианской общины (*Lassus J. Sanctuaires chrétiens de Syrie*. P., 1947. P. VIII). Что же касается Г. Чаленко, то уже название книги Б. Хамарнех отсылает нас к его монографиям (*Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du Nord*. P., 1953; *Idem. Églises de village de Syrie du Nord*. P., 1979–1980). Для Иордании подобное исследование выполнено впервые, и это придает книге Б. Хамарнех пионерский характер.

Читатель неизбежно будет сравнивать книги А. Мишель и Б. Хамарнех. Независимо от принадлежности к тому или иному научному направлению и выбора метода, оба автора опираются на глубокое знание письменных и археологических источников, что обеспечивает убедительность их выводов. Обе книги будут необходимы тем, кто изучает ранневизантийскую эпоху в Палестине, и интересны всем, кто занимается раннехристианской и византийской археологией.

Л.Г. Хрушкова

Iacobini A., Perria L. Il Vangelo di Dionisio. Un manoscritto bizantino da Costantinopoli a Messina. Roma: Agros, 1998. (“Milion. Studi e ricerche d’arte bizantina”, 4). 187 p.

Исследования в области византийской книжной миниатюры и греческой палеографии в конце XX в. достигли такого уровня и широты охвата материала, что открытие нового манускрипта, относящегося к началу периода македонского ренессанса, написанного и богато украшенного в Константинополе одними из лучших столичных мастеров, могло бы показаться почти невероятным.

Примерно с середины XVIII в. в составе Старого (или Древнего) фонда в университетской библиотеке в Мессине хранится рукопись (Messina, Biblioteca Regionale Universitaria, Fondo Vecchio 18), первоначально содержавшая текст четвероевангелия. Евангелия предваряли полностраничная заставка-фронтиспис, а также Послание Евсевия к Карпиану и Евсевиевы таблицы канонов в арочных обрамлениях, украшенных орнаментами одного и того же типа. Перед каждым евангелием был вставлен “диптих”, состоявший из пурпурного листа с написанной золотом эпиграммой в честь евангелиста и его полностраничного изображения на соседнем листе¹. Тексты Евангелий открывали орнаментальные заставки и инициалы. Более простые декоративные элементы были использованы при оформлении оглавлений². К 1886 г. от полного текста остались только Евангелия от Матфея и Марка³. Были утрачены изображения Марка, Луки и Иоанна и листы с двумя эпиграммами – в честь Матфея и Иоанна; содержание первой из них известно по описаниям рукописи, сделанным ее первыми исследователями. В 1975 г. кодекс прошел реставрацию в монастыре Mezzojuoso в Палермо.

Рукопись не вошла ни в монографию Вайцмана о византийской книжной миниатюре IX–X вв.⁴, ни в его обобщающие публикации, посвященные македонскому ре-

¹ Эти “диптихи” располагались на отдельных, вставленных в рукопись листах, большинство тетрадей которой – кватернионы.

² Такой, включающей все четыре Евангелия и, по-видимому, перечисленные элементы декора, видел рукопись в 1786 г. датский профессор богословия Ф. Мюнтер (1761–1830), а затем в 1801 г. А. Бирч, занимавшийся сверкой евангельских текстов.

³ В таком виде манускрипт читал Каспар Рене Грегори, первым датировавший его X веком.

⁴ *Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts*. B., 1935, переиздание с дополнениями и приложением: Wien, 1996.